

Мы вышли из лона природы
велеием Божьей руки.
Но мы для природы — уроды,
природе живем вопреки.

Не больше животных мы значим,
и наша гордыня — беда!
Мне б сесть возле речки прозрачной,
смотреть, как струится вода.

Пусть мысли дурные, больные
уходят вослед за рекой.
Увижу я мир, как впервые.
В уме — просветленный покой.

Пастернаку

Весна! Набрать чернил и радоваться,
хоть грязен снег и грязны лужи.
Весна — она и Пасха, она и Радуница;
и девы стройны, мужественны мужи.

Грачей в помине нет — сигнализация
машин нам заменила птичий посвист.
И на природу сплошь цивилизация,
как танки, наступает. Слово «после»

уже не в моде, ибо днем сегодняшним
живет весь мир, а будущее — роскошь.
Оно достанется одним достойнейшим
евреям. Мы же окунемся в росошь,

как в Иордан! Крестильными рубашками
отметим путь из крепостных во князи.
А прошлогодний снег цветет ромашками,
и босоногий Бог идет по грязи.

Пасха

Мне кажется, я в голубом хитоне
среди греческой ночи, полной морского ветра,
и вздохов волн, и запахов разных трав,
при свете масляного светильника
вывожу на папирусе:
Христос воскрес!

Мне кажется, я в белой холщовой рубашке
с кружевными манжетами,
в покое с видом на Сену,
освещенных люстрой со множеством свечей,
вывожу на бумаге гусиным пером:
Христос воскрес!

Мне кажется, я в футболке и джинсах
на кухне с видом на Москва-реку,
освещенной электрической лампой,
сажу перед ноутбуком
и набираю на клавиатуре:
Христос воскрес!

Не от масляного светильника,
не от люстры в сотню свечей,
не от электролампы и сияния монитора
светится эта весть —
она светится собственным светом
века, века и будет светиться века,
пока не исполнится райское обещание ангела,
что времени больше не будет.

Хор детей

Мы всегда — между жизнью и смертью,
ведь не знаем, когда позовут
в то пространство, что за круговертью,
за земною капелью минут.

Мы имеем одну лишь свободу —
наслаждаться сегодняшним днем.
Никогда не готовы к уходу.
Но одно знаем точно: уйдем.

Одуванчики

Вас почти не замечают —
вы привычны, как рассвет.
Но о лете возвещает
этот громкий желтый цвет.

Вы как маленькие солнца —
света детская игра.
Бог взглянет — и улыбнется:
в желтых майках детвора!

Жаль, седеете вы быстро,
Крон с Землей вообще жесток,
и как лысина министра —
облетевший вмиг цветок.

Дар Мнемозины

Иосифу Бродскому

1

Тебе семьдесят пять. Ах, было бы,
когда бы, испещрив бумаги ворох,
не исписался карандаш судьбы.
Что голос музы? — мышцы вещей шорох.

Иль цокот мухи у стекла окна?
Иль ястреба полет в *post mortem* дали?
Но лишь Земля отсюда нам видна,
ее дороги. Рай мы не видали.

И ты не видел рай. Ты видел сквозь
пространство не подвластный миру Хронос.
Тебя он и убил. Во сне сбылось,
как наяву — на том и успокоюсь, —

свиданье наше через океан.
Но, между тем, касались мы друг друга.
Я поднимаю за тебя стакан.
Уж отцвела черемухина вьюга,

зато цветут тюльпаны в честь твою,
в тюльпанах свечи теплятся беззвучно.
Я точно знаю: ты давно в раю.
Таких, как ты, Господь творит поштучно.

Великий дар, великая душа.
По жилам тек коньяк, а не водица.
И мы читаем книгу не спеша,
чтоб каждую строкою насладиться.

2

Когда ты гулял по Венеции,
все было очень просто.
Ты знал, что уже не придешь
умирать на Васильевский остров.
Табу на границе русской
себе поставил,
гулял по Венеции —
«месте воды без правил».
Но правило наше:
не верь, не проси, не бойся.
И ты о Васильевском острове
не беспокойся:
он будет обжит мертвецами,
но я в число их,
увы, не войду —
много воспоминаний злобных.
Скончаюсь я в городе вязевом,
азиатском.
И помяну я Серебряный век
за бокалом братским.
Ты вышел оттуда,
Цветаева ритмы дарила.
Но Время с тобой обошлось,
как с Самсоном — Далила.
И я поклонюсь
благородной каменной стеле,
прогулке последней в Венеции
на Сан-Микеле.

Я ничтожество, я мелюзга, —
Время лузгнет, как семечку, клювом.
Но мне видится райская зга
в противлении мира угрюмом.

Время кончится — ангел сказал.
Ах, настала бы добрая вечность!
А пока я спешу на вокзал:
скорый поезд — судьбы быстротечность.

Пусть закапывают в чернозем,
и пусть горести в мире несметны.
Ради вечности только живем,
и подспудно мы знаем: бессмертны.

Ваксхольм. 1989

Приморский тихий шведский городок.
Дома стоят на сваях на воде.
Осенний день, и городок продрог,
а жителей и не видать нигде.

Дома — как корабли. Причал — трава.
Есть ратуша в четыре этажа.
Здесь, на краю земли, где синева
царит, ликует праздная душа.

Вот здесь и жить бы. Лодочку смолить,
пить «Абсолют» с соседями втроем.
Я на траву присяду посмолить
цигаркой русской в шведский окоем.

Сидит в окошке черно-белый кот.
Летают чайки, вразнобой крича.
Остаться здесь, где время медлит ход!
Но есть замок, и нет, увы, ключа.

Краснодар. 1982

Приедешь в город Краснодар —
получишь солнечный удар,

ведь солнца здесь хватило б на
вторую Землю, и сполна.

На окнах — яркие цветы.
На крышах — толстые коты.

В бравурном грохоте литавр,
о, южный город Краснодар.

О, белый город Краснодар,
от клумб обилен здесь нектар

для пчел и для бессмертных душ.
Клаксоны дружно жарят «туш».

Для нежной арфы ты футляр,
в рубашке ветра Краснодар!

Ты, Краснодар — как помидор,
как до-мажор, как юниор.

И сладко света молоко.
Жаль, что до моря далеко...

Слушая М. Задорнова

Мы, русские — бездарные тупицы:
не можем охозяйствовать страну.
Но к нам весною прилетают птицы,
и не одну мы выиграли войну.

Народ — быдلياتник, чиновье — засранцы,
и сорняки лишь рóдит чернозем.
Но, если это скажут иностранцы, —
мы им хлебальник дружно разобьем.

Ветер странствий

Жизнь, вернись, я еще не стара,
у души моей возраст мальчишки.
Мне покуда любезна игра
с чародейкой-судьбой в кошки-мышки.

Что я плачу о мертвых? Они
в лучшем мире, красотами полным.
Жизнь, земные пусти мои дни
кораблем по взволнованным волнам!

Как мне хочется мир повидать,
и особенно море, конечно!
Заблудилась в лесу благодать,
и сознание — пустая скворешня.

Райских мест в мире сем несть числа!
Я почти что нигде не бывала...
Жизнь, тебя я так долго ждала, что,
должно быть, уже прозевала...

